

Материалы Круглого стола
«Изучение памятников наскального искусства»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 317–337
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 317–337
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-317–337

ОРНИТОМОРФНЫЕ МОТИВЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Г.Г. Король

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4331-5980

В статье рассмотрены наиболее яркие орнитоморфные мотивы художественного металла Саяно-Алтая с прилегающими территориями и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс. Это распространенные изделия ременных украшений всадника, а также некоторые женские атрибуты, в декоре которых присутствуют образы фантастической птицы феникс и летящей утки. Первый образ известен в двух основных иконографических вариантах, указывающих на их истоки: искусство Китая и Средней Азии/Среднего Востока. Оба варианта используются в двух устойчивых композициях с парными (противостоящими) птицами: у центрального древа и без него. Изображения одиночных птиц-фениксов, не имеющие аналогий, известны в Саяно-Алтае. Условные аналогии им найдены в наскальном искусстве Центральной Азии. Фигурки фениксов в виде наверший булавок преобладают в Саяно-Алтае. Образ летящей утки в его пластическом воплощении на примере двусоставных застежек, распространенный в Саяно-Алтае с прилегающими территориями, рассмотрен в качестве точечного примера отсутствия конкретного культурного импульса-влияния на Северный Тянь-Шань. Общее для обоих регионов – популярность

Данные об авторе: Галина Георгиевна Король – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра палеоискусства ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5).

малых форм художественного металла и характерный для конкретного времени облик декоративного стиля, его синкретизм. Особенное для каждого региона – преобладание тех или иных вариантов иконографии, связанное в первую очередь с приоритетными направлениями культурных влияний и особенностями восприятия образов. Центры производства городской культуры Северного Тянь-Шаня, по-видимому, не были источниками проникновения художественного металла в регион Саяно-Алтая. Рассмотренные композиции свидетельствуют скорее об общих направлениях культурного влияния средневосточного/среднеазиатского искусства в целом, в первую очередь через расселившихся к востоку согдийских мастеров. При этом сугубо китайская стилистика образа феникса зафиксирована лишь на единичных саяно-алтайских находках, ее трансформация шла под «западным» влиянием. Вероятный обратный культурный импульс (из западной части Саяно-Алтая) можно отметить лишь на одном варианте композиции противостоящих фениксов. Влияние из восточной части Саяно-Алтая на рассмотренных материалах не прослежено.

Ключевые слова: Саяно-Алтай и прилегающие территории, Северный Тянь-Шань, тюревтика малых форм, декор, орнитоморфные мотивы, наскальные изображения, средневековье

ВВЕДЕНИЕ

Художественный металл Саяно-Алтая в конце I – начале II тыс. представлен единичными экземплярами тюревтики (сосудами) из драгоценных и цветных металлов; в основном – бронзовыми ременными и прочими деталями снаряжения всадников, а также женскими украшениями¹. Предметы с характерным декором получили широкое распространение в Кыргызском каганате (Средний и Верхний Енисей) IX–X вв. На территории западных соседей енисейских кыргызов – кимако-кыпчакского этнополитического объединения на Северном Алтае и Верхнем Прииртышье – подобные изделия представлены также широко вплоть до середины XI в., в Кузнецкой котловине, возможно, сохранились и в XII в.

Достоверные места производства изделий, находимых в регионе Саяно-Алтая, пока не известны. Единичные находки матриц для изготовления отдельных категорий украшений (например, личин) свидетельствуют о вероятном изготовлении наиболее популярных украшений на месте, возможно, мастерами-инородцами (согдийцами?) с опытом в основном литья мелких художественных изделий из цветного металла, хороших художников среди них в основном не было. Некоторые предметы из Кузнецкой котловины с оригинальным «народным» декором свидетельствуют о попытке художественных опытов, возможно, местных мастеров. Выявленные остатки средневековых храмовых городских центров в Минусинской котловине также не дали никакой информации о местном производстве².

На Тянь-Шане, в разных его регионах и в первую очередь в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня (Притяньшанья), напротив, развивалась городская раннесредневековая культура, отдельные памятники которой частично исследованы (наиболее изучены городища Ак-Бешим и Красная Речка). В конце I – начале II тыс. в регионе размещались центры Карлукского (VIII–X вв.) и Караханидского (X–XIII вв.) государств. Население с давних времен было связано с жителями земледельческих оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана. Для раннего средневековья (до середины X в.) отмечены массовые миграции иранского населения на восток в связи с арабскими завоеваниями в Средней Азии, создание согдийских колоний в зоне традиционных кочевых центров, развитие ре-

¹ См., например: Король 2008; Горбунова и др. 2009; Тишкин 2010; Король, Наумова 2017.

² См.: Кызласов Л.Р. 1998, 1999; Кызласов И.Л. 2021.

месел и торговли вдоль трасс Великого Шелкового пути. В городах Чуйской долины также зафиксировано бронзолитейное производство, в том числе изделий торевтики, включая и малые художественные формы, среди которых большое место занимают, как и в регионе Саяно-Алтая, ременные и другие детали снаряжения всадника, а также женские украшения³.

Задача настоящего исследования – на примере некоторых наиболее ярких орнитоморфных мотивов декора художественного металла, представленного торевтикой малых форм, Саяно-Алтая и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс., выявить общее и особенное этого аспекта декоративного искусства, определить наличие или отсутствие взаимовлияний.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕКОРА

Популярный с последней четверти I тыс. н.э. в горно-степной Евразии и на сопредельных территориях новый для прикладного искусства стиль представлен характерной декоративностью, основанной на господстве геометризованной растительной орнаментации, в первую очередь наиболее массовых и широко распространенных изделий воинского снаряжения. Растительному орнаменту обычно подчинены другие виды декора. К концу I тыс. н.э. стиль достигает своего расцвета, что проявилось в комплексах торевтики как Саяно-Алтайского региона, так и Северного Тянь-Шаня.

Базой для формирования нового стиля были в первую очередь интенсивные контакты разного уровня населения этих регионов с крупными государствами, с мастерами и искусством оседлых земледельческих народов. При всем многообразии мотивов, сюжетов в их искусстве очевиден «отбор» в соответствии с запросами конкретных «заказчиков». Питательной средой этих запросов была традиционная духовная и материальная культура тюркских и других кочевых и оседлых племен раннего средневековья. Отсюда и значительное своеобразие комплексов торевтики малых форм в пределах каждого каганата.

При этом все же общий стиль эпохи хорошо прослеживается в декоре художественного металла Саяно-Алтайского региона и Северного Тянь-Шаня. Общее – не только принадлежность декора к одному стилю, но и сходная структура с основными орнаментальными типами. Доминирует растительный, остальные – геометрический, зооморфный, включающий орнитоморфные мотивы, и антропоморфный – составляют в целом меньший процент. В Саяно-Алтае он совсем незначителен, хотя есть микрорегионы (например, Рудный Алтай), где популярен зооморфный декор.

Особенностью художественного металла Северного Тянь-Шаня и в первую очередь Чуйской долины можно назвать несколько больший репертуар зооморфных мотивов, включая орнитоморфные. Это связано с разнообразными потоками культурного влияния в регионе, близком крупным земледельческим, с развитой традицией художественной металлообработки, через который проходили также торговые пути в разных направлениях. Отмечено, что на базе привнесенных различных традиций был выработан свой стиль, проявленный в иконографии наиболее популярных мотивов⁴.

Орнитоморфные мотивы в обоих регионах представлены различными птицами. Для настоящего исследования интересны два наиболее ярких образа. В первую очередь фантастическая птица феникс. Все реальные варианты образа (включая разные виды отряда курообразных – павлинов, фазанов, петухов) условно можно объединить названием «феникс», ибо в их иконографии есть некоторое сходство. Второй образ – утки в виде «летающих» птиц с распахнутыми крыльями, наиболее оригинальным образом представлен в составных застежках особой формы.

³ Подробней см.: Горячева 2010; Байпаков и др. 2007; Торгоев 2011; Камышев 2012, 2020, 2023.

⁴ Торгоев 2004, 341; Камышев 2023, 56.

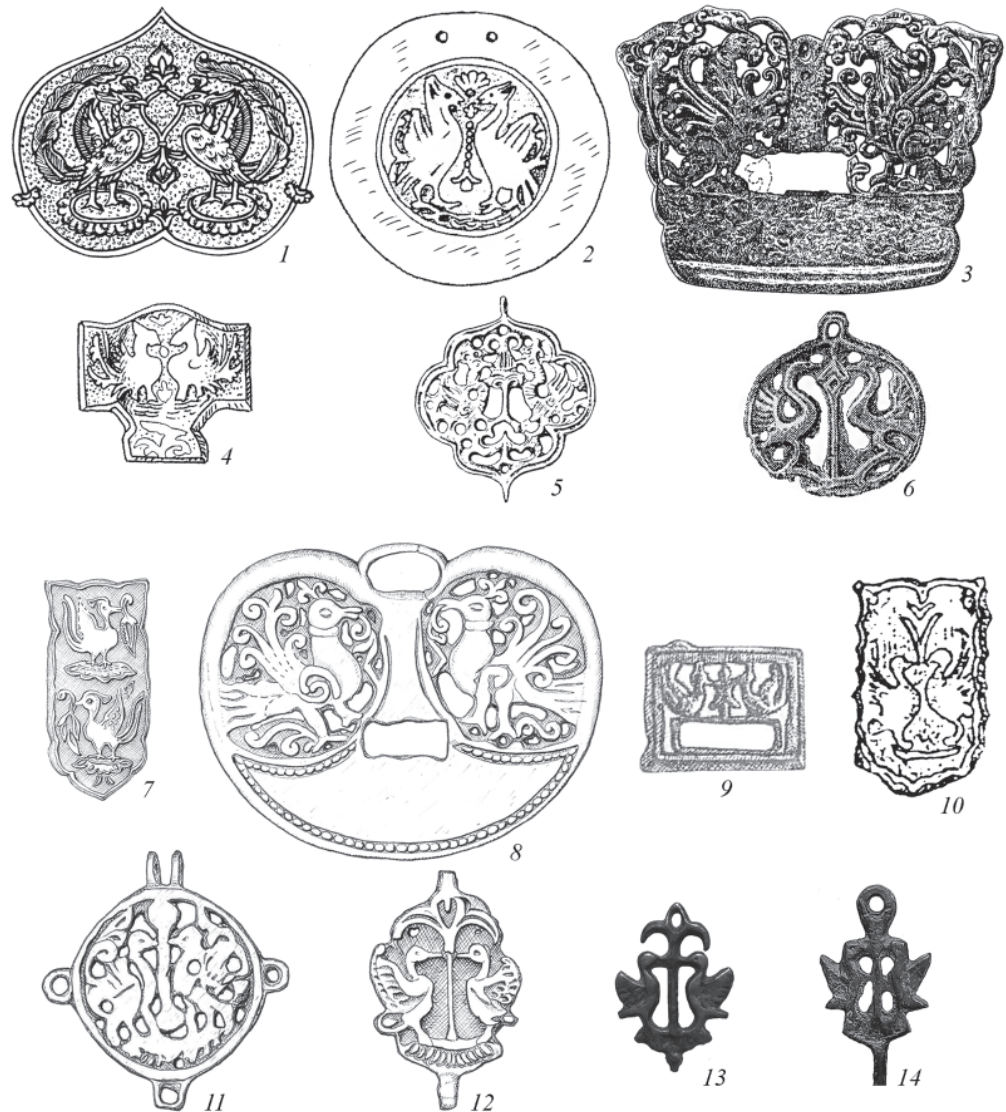

Рис. 1. Мотив парных птиц у «древа» в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–6) и Северного Тянь-Шаня (7–14). 1 – Копенский чаатас, фрагмент композиции; 2, 4 – собрание П.К. Фролова с Алтая; 3 – Калы; 5 – Ближние Елбаны VIII; 6 – Басандайка; 1, 3 – по: Кызласов, Король 1990; 2, 4 – по: Король 2008; 5 – по: Грязнов 1956; 6 – по: Басандайка 1947; 7, 8, 11–14 – по: Камышев 2023, прорисовки по фото: С.Л. Богаченко; 9 – по: Байпаков и др. 2007; 10 – по: Торгоев 2003

Fig. 1. The motif of paired birds near a “tree” in the art of the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–6) and the Northern Tien Shan (7–14). 1 – Kopensky *chaatas*, composition fragment; 2, 4 – the collection of P.K. Frolov from Altai; 3 – Kaly; 5 – Blizhnie Elbany VIII; 6 – Basandaika; 1, 3 – after Kyzlasov, Korol 1990; 2, 4 – after Korol 2008; 5 – after Gryaznov 1956; 6 – after Basandaika 1947; 7, 8, 11–14 – after Kamyshev 2023, drawings from a photo by S.L. Bogachenko; 9 – after Baipakov et al. 2007; 10 – after Torgoev 2003. Not to scale

ОРНИТОМОРФНЫЕ МОТИВЫ

Образ феникса – один из известнейших в китайском искусстве. Его «классическая» иконография подчеркивает суть хищной (в первую очередь с мощным острым загнутым клювом) птицы. Общие черты изображения феникса разных периодов – гребешок (хохолок), длинный хвост, пышное оперенье. Детальное исследование происхождения и эволюции образа феникса в культуре Китая показало, что с конца периода Хань (начало III в.) птицы становятся больше похожими на павлинов⁵.

Фениксы в танском (618–907) искусстве приобретают свою характерную иконографию «танцующих» птиц с чертами хищной птицы, часто с некими предметами в клюве или окруженными цветами⁶. В сунское время (960–1279) как один из вариантов изображения пары фениксов отмечена композиция из двух противостоящих птиц, соприкасающихся клювами, продолжающая танскую традицию⁷.

Парные (противостоящие) птицы у «древа». Саяно-Алтай и прилегающие территории. Классический китайский образ феникса как хищной птицы представлен на высокохудожественных золотых изделиях тюркетики⁸ из погребального комплекса енисейских кыргызов (около середины IX в.) в Минусинской котловине Саяно-Алтая (рис. 1, 1)⁹. Парные фениксы с растительными элементами в композиции (условно у древа – разделяющей их вертикальной полосы) украшают железную накладку на поясную сумочку всадника. Эта случайная находка из Минусинской котловины, по-видимому, относится к рубежу X–XI вв., когда уже шел процесс замещения подобных бронзовых предметов железными, изготовлена искусным мастером (рис. 1, 3)¹⁰.

На Алтае и прилегающих территориях, в том числе в Верхнем Прииртышье, мотив феникса известен в разных вариантах. Наиболее близок по замыслу композиции парным фениксам у условного древа на копенском блюде предмет из района Змеиногорска Рудного Алтая (рис. 1, 2). Он выполнен в стилизованной манере, по-видимому, характеризующей более поздний период (рубеж I–II тыс.). Практически идентичная композиция, но более схематичная и с другими элементами «древа» – на маленькой Т-образной накладке из той же коллекции (рис. 1, 4). Основание, на котором стоят птицы, превратилось в две волнистые линии, между клювами птиц – кружок. Возможно, этот предмет более поздний, чем предыдущий, или одновременный ему. Он очень затерт, некоторые детали неразличимы.

Остальные известные композиции представляют некую цепочку стилизаций, когда характерные черты феникса нивелируются и он все больше напоминает фазана (с относительно короткой шеей), иногда павлина (с более длинной шеей), чрезвычайно распространенный мотив в средневековом искусстве Среднего Востока (как наследие сасанидского искусства), популярный и в Средней Азии¹¹. В средневековом искусстве Китая феникс, как уже упомянуто выше, похож на павлина, кроме того, от «западных» (среднеазиатских) образцов его отличает значительная экспрессия в передаче образа, хотя именно «западное» влияние во многом и сформировало особый стиль танского искусства¹².

⁵ Чистякова 2007.

⁶ Gyllensvärd 1958, fig. 57.

⁷ Чистякова 2007, 24, 30.

⁸ Эти уникальные блюдо и кружка изготовлены искусными мастерами, а попали они к енисейским кыргызам, возможно, как военная добыча после разгрома уйгуров в 940 г.

⁹ Здесь и на следующих рисунках предметы даны без масштаба. Почти всегда их реальные размеры можно найти в первичных публикациях, на которые есть ссылки в подписях.

¹⁰ Подробно обо всех находках из Саяно-Алтая и прилегающих территорий, с подробными источниками и описанием деталей иконографии см.: Король 2013.

¹¹ См., например: Harari 1938; Dowlatshahi 1979; Вишневская 2007.

¹² См., например: Qi Dongfang, Zhang Jing, 1994; Qi Dongfang, 2005.

Сравнить с декором на нашивной бляхе из Рудного Алтая (рис. 1, 2) можно парных фениксов у древа в виде пальметты на высоком стебле с крупным центральным бутонем, украшающих фигурные ажурные бляхи-подвески (рис. 1, 5) из могильника на Верхней Оби, Северный Алтай, IX–X вв.; а также композиции на круглых ажурных подвесках (рис. 1, 6) из могильника X–XII вв. в Томском Приобье. На более поздних бляхах рисунок крайне геометризван: птицы с угловатыми очертаниями, древо в виде прямого ствола, завершающегося ромбом – «бутонем» свисающего сверху трилистника, в боковые листья которого клювами упираются птицы.

Северный Тянь-Шань. Птицы характерной иконографии, не во всем, но все же сравнимые с фениксами, стоят на лотосе-основании и держат ветвь в клюве. Вертикальная композиция из двух птиц украшает характерную по форме для рассматриваемого времени ремennую концевую накладку из Чуйской долины (рис. 1, 7). Элементы мотива условно сопоставимы с находками из Саяно-Алтая (ср. рис. 1, 1, 2, 4), но все же в целом по-своему оригинальны, отражая и «западное» влияние.

Птицы на ажурной накладке из цветного металла (рис. 1, 8) на сумочку всадника по композиции и пышности оперения птиц сопоставимы с накладкой из Минусинской котловины (ср. рис. 1, 3). При этом, как и в первом случае, это птицы с ветвью в клюве, хохолки переданы также растительным элементом – пальметтой с центральным бутонем¹³. Отметим, что в качестве матриц для создания общей композиции использовались определенно разные фигурки птиц, они по многим иконографическим деталям значительно отличаются друг от друга. Технология изготовления тюркетики малых форм в рассматриваемое время позволяла использовать в качестве матриц бляшки (в данном случае фигурки) для изготовления нового предмета.

Птицы средних пропорций, композиционно напоминающие фениксов у условного древа на Т-образной накладке из района Змеиногорска (рис. 1, 4), известны на небольшой концевой накладке с городища Красная Речка в Чуйской долине, датированной первой половиной IX в. Древо (по центральной вертикальной оси) можно предположить в двух шевроноподобных фигурах разных размеров, расположенных одна над другой над птицами (рис. 1, 10). Оттуда же происходит ремennая накладка (рис. 1, 9), на которой парные фениксы очертаниями (ср. клювы, хохолки, приземистость и короткие лапы) напоминают птиц на змеиногорской находке (ср. рис. 1, 4). Между ними – схематичное изображение «древа», правда, другими авторами мотив описан, как фигура человека (насколько точен рисунок, трудно судить)¹⁴.

Нашивки, подвески с мотивом парных птиц у древа распространены среди находок с Северного Тянь-Шаня (в отличие от Саяно-Алтайского региона), чаще всего на них изображены утки с приподнятыми крыльями (рис. 1, 12, 13), имеются и, по-видимому, более поздние чрезвычайно стилизованные изображения (рис. 1, 14)¹⁵. При этом на очень затертом декоре нашивки, возможно тоже чуть более позднем артефакте, можно видеть пышный хвост феникса с оформлением концов растительными элементами (рис. 1, 11).

Таким образом, при общем для рассматриваемых двух крупных регионов распространении композиции с фениксами в художественном металле следует отметить крайне редкие находки артефактов с такими композициями в Саяно-Алтайском регионе с прилегающими территориями и не намного, но все же в большем количестве подобных находок в Северном Тянь-Шане. Идентичные аналогии в обоих регионах не выявлены. При этом в последнем очевидна тенденция замены фениксов уточками с приподнятыми крыльями. А в Саяно-Алтае, наоборот, все известные композиции в той или иной степени следуют китайской средневековой традиции изображения феникса.

Парные (противостоящие) птицы (без древа) и одиночные. В Саяно-Алтае с прилегающими территориями все остальные известные нам по материалам тюркетики малых

¹³ Следует сказать о не точной в деталях иконографии птиц на реконструкции сумочки – Камышев 2023, 48.

¹⁴ Байпаков и др. 2007, 33, 34.

¹⁵ Также максимально стилизованные мотивы см.: Камышев 2023, табл. VIII, 21–23.

Рис. 2. Мотив противостоящих птиц и одиночные фигурки в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–10) и Северного Тянь-Шаня (11–14). 1 – Ур-Бедари; 2, 6, 9, 10 – «из сибирских курганов», Алтай?; 3 – Сандыккала; 4 – из «могил между Обью и Иртышом»; 5 – сборы И.А. Лопатина в Минусинском крае; 7 – Корболиха II; 8 – Алтай, из альбома В.В. Радлова 1861 г. 1 – по: Елькин 1970; 2, 6, 9, 10 – по: Формозов 1986; 3 – по: Акишев 1987; 4 – по: Миллер 1937; 5 – по: Король 2013; 7 – по: Могильников 2002; 8 – по: Король 2008; 11–14 – по: Камышев 2023

Fig. 2. The motif of confronting birds and single figurines in the art of the Sayan-Altai region with the adjacent territories (1–10) and the Northern Tien Shan (11–14). 1 – Ur-Bedari; 2, 6, 9, 10 – “from Siberian burial mounds”, Altai?; 3 – Sandykkala; 4 – from “graves between the Ob and the Irtysh rivers”; 5 – collections of I.A. Lopatin in Minusinsk region; 7 – Korbolikha II; 8 – Altai, from the album of V.V. Radlov, 1861. 1 – after Elkin 1970; 2, 6, 9, 10 – after Formozov 1986; 3 – after Archaeological... 1987; 4 – after Miller 1937; 5 – after Korol 2013; 7 – after Mogil’nikov 2002; 8 – after Korol 2008; 11–14 – after Kamyshev 2023. Not to scale

форм конца I – начала II тыс. парные фениксы представляют композиции без центральной оси древа. Это разные варианты птиц со сложенными крыльями и пышными хвостами. Единичные экземпляры одной композиции пышным поднятым хвостом с проработанными перьями напоминают классических китайских фениксов, но имеют оригинальную иконографию (рис. 2, 1, 2).

На остальных композициях фигуры мало похожи на классических фениксов. При этом некоторые все же сохраняют характерный хвост (рис. 2, 3–6), а другие напоминают уток с хвостами павлинов (?), а также с небольшим хохолком (рис. 2, 7, 8). Известны накладки в виде фигурок одиночных птиц с трехчастным хохолком-гребешком, сложенными крыльями, пышным с округлым завершением поднятым хвостом, проработанными чешуйками или кружочками (рис. 2, 9, 10). Такой формы хвосты и проработка оперения характерны для павлинов в раннесредневековом декоративном искусстве, в том числе тюркитике, Средней Азии и Среднего Востока¹⁶.

Следует отметить, что находки этой группы предметов происходят преимущественно с Алтая и Верхнего Прииртышья, как из памятников IX–X вв., так и случайные. Единственная случайная находка из Минусинской котловины (рис. 2, 5) – затертая подвеска, возможно, реплика начала XI в. по давно изношенному образцу, или схематизированный вариант, изготовленный по «мотивам» некоей копии, при этом сделана попытка придать ажурность изделию, что отличает его от остальных. Облик птиц и на других предметах – свидетельство «западного» влияния (Средняя Азия, Средний Восток).

Северный Тянь-Шань. Именно такого облика птицы, мало похожие на классических фениксов, преобладают и в этом регионе. Среди находок известна пока одна подвеска с противостоящими птицами (рис. 2, 11), идентичная рассмотренным выше (ср. рис. 2, 3, 4). Зато накладок в виде одиночных фигурок птиц (рис. 2, 12), в том числе идентичных образу на подвеске (рис. 2, 11), известно немало. Они разного качества изображения, как хорошего, со многими деталями, так и сильно затертые¹⁷. Такие же изображения птиц (но очень плохого качества) как часть зоо-орнитоморфного декора украшают зеркало, найденное на упомянутом выше Краснореченском городище¹⁸, предположительно местного производства, как и многие другие находки тюркитики малых форм с памятников Чуйской долины. О технологии их изготовления, позволявшей создавать такие оригинальные композиции, как на зеркале, сказано выше. Отметим определенную креативность местных мастеров, что отмечалось нами ранее¹⁹.

Таким образом, в обоих рассматриваемых регионах известны как композиция в виде противостоящих птиц, так и фигурки одиночных. При этом имеются и практически идентичные (один вариант подвесок, рис. 2, 3–5, 11), и условно близкие по иконографии (один вариант одиночных фигурок, рис. 2, 9, 10, 14). В Северном Тянь-Шане можно отметить названную выше тенденцию замены фениксов на уток с разными хвостами. В Саяно-Алтае с прилегающими территориями тоже доминирует такая тенденция, а находки, напомним, происходят в основном из западной части региона. Это свидетельствует, с одной стороны, о направлении культурных импульсов на регион в целом, а с другой стороны, и об обратном влиянии. Последнее проявилось в большем распространении подвесок с парными птицами одной композиции в западной части Саяно-Алтая и пока единственной известной нам находкой идентичной подвески с Северного Тянь-Шаня.

Оригинальные варианты иконографии и композиции. Среди одиночных изображений и фигурок птиц-фениксов Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс. отметим оригинальные варианты, не имеющие аналогий (рис. 3, 1–4). Птица на подвеске из Кузнецкой котловины (рис. 3, 1) стоит, видимо, на лотосовидном основании, в маленьком клюве держит ленту с петлей. Обе эти черты характерны для искусства танско

¹⁶ См.: Маршак 1971. Т43; Даркевич 1976, 25, 26, табл. 27, 2; Вишневецкая 2007, 126, рис. 7.

¹⁷ Камышев 2023, табл. VIII, 1–9.

¹⁸ Камышев 2023, табл. VIII, 10.

¹⁹ Король 2020, 158, 159; Наумова, Король 2020, 49.

Рис. 3. «Фениксы» оригинальной иконографии и композиции в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–4) и «аналогии» (5–11). 1 – Шанда (контактная копия); 2 – Совхоз 499; 3 – Решетниково; 4 – Хемчик Бом II. 1–4 – по: Король 2013; 5, 6 – по: Вишневская 2007; 7–10 – по: Vernier, Bruneau 2016; 11 – по: Дэвлет 2013

Fig. 3. “Phoenixes” of the original iconography and composition in the art of the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–4) and some “analogies” (5–11). 1 – Shanda (a contact copy); 2 – Sovkhoz 499; 3 – Reshetnikovo; 4 – Khemchik Bom II. 1–4 – after Korol 2013; 5, 6 – after Vishnevskaya 2007; 7–10 – after Vernier, Bruneau 2016; 11 – after Devlet 2013. Not to scale

го Китая, первая появилась там под влиянием буддийского искусства, а вторая – сасанидского искусства Среднего Востока, где были популярны птицы с жемчужным ожерельем или веточкой в клюве²⁰. Подобные изображения известны и в средневековом Согде²¹.

Два других оригинальных (с сидящими птицами) варианта происходят из Павлодарского и Омского Прииртышья. Птица, как и другие образы, среди винограда (рис. 3, 2) – известный сюжет согдийского искусства²². Фигурная нашивная накладка в виде сидящего (?) феникса (рис. 3, 3) со стилизованными, но все же очевидными характерными чертами феникса, по-видимому, результат влияния на регион культуры тюркского населения южных степей.

Интересен упрощенный образ феникса (рис. 3, 4), но с подчеркнутыми характерными чертами хищной птицы, в композиции с лежащей ланью на ременных накладках из Тувы

²⁰ Сравнительную таблицу см.: Gyllensvärd 1958, fig. 69.

²¹ Маршак 1971, Т43; Вишневская 2007, рис. 7.

²² Маршак 1971, 62, Т43.

(Верхний Енисей). В средневековой торовитке малых форм обоих рассматриваемых регионов аналогий этим оригинальным решениям образа нет.

Как сказано выше, павлины с разной формы пышными с округлым завершением хвостами, с детальной проработкой оперения особым образом, известны в раннесредневековом декоративном искусстве, в том числе торовитке, Средней Азии и Среднего Востока. Добавим к названным иконографическим деталям предметы в клюве птицы²³.

Образ феникса в наскальном искусстве средневековья. Саяно-Алтай и Тянь-Шань известны памятниками такого искусства разных эпох. В репертуаре петроглифов хорошо изучена и орнитофауна, в том числе средневековая. Для этой эпохи отмечены сцены охоты с помощью ловчих птиц²⁴, редко – птицы, возможные объекты охоты (Сулейская писаница в Минусинской котловине, где птицы (дрофы?) изображены с чрезвычайно тщательностью передачи деталей)²⁵. Особый интерес представляют «всадники Кочкорской долины» из Центрального Тянь-Шаня. Это четыре повторяющихся сюжета с всадниками, которые держат в руках разные виды птиц. Три из них – большие птицы с длинными пышными опущенными хвостами, напоминающими хвост павлина, при этом одна с длинной шеей, хохолком и подчеркнута крупным длинным клювом²⁶. Исследователи отмечают, что изображения всадников с птицами из Кочкорской долины могут быть связаны не только с образом воина-победителя, но и с представлениями о пути после смерти²⁷. Недаром на некоторых древнетюркских изваяниях персонаж держит в руках птицу (вспомним и знаменитый мемориальный памятник, посвященный Тегешу, VII–VIII вв. в Монголии имеет изображение птицы в углу плиты)²⁸. Но это все небольшие обычные птицы типа сокола или голубя. На одном изваянии из урочища Кой-Сары в Северном Тянь-Шане плохо сохранившееся изображение напоминает птицу с длинной шеей и поднятым пышным хвостом с выделенными перьями, отмечено, правда, что, возможно, это сосуд в руках²⁹. Ритуально-мифологический аспект образа птицы сохраняется, по-видимому, и у поздних кочевников в этнографическое время³⁰.

Птицы разной иконографии, но с обязательно выделенными хохолками и перьями длинных, иногда поднятых, хвостов (рис. 3, 7–10), составляют отдельную группу орнитофауны в наскальных изображениях Ладакха³¹, называемого Малым Тибетом. Считается, что это изображения павлинов, связанные с буддийским культурным контекстом. Отмечается, что, возможно, мелкие металлические предметы, в том числе в форме птицы (в нашем понимании торовитка малых форм), как вид мобильного искусства могли служить образцами художественного изображения птиц на скалах. При этом не исключается и экологическая обусловленность этих образов, связанная с изменениями климата³².

Исследователи петроглифов всегда отмечают не только культурно-мифологический, но и экологический (природный) контекст орнитофауны, отражающий видовой состав птиц в определенный исторический период³³. Заметим, что относительно упомянутой выше Кочкорской долины Центрального (Внутреннего) Тянь-Шаня орнитологи отмечают

²³ Подборку изображений на разных материалах – керамике, дереве (рис. 3, б), серебре (рис. 3, в), в настенной росписи, см.: Вишневецкая 2007, рис. 7, А.

²⁴ См.: Кубарев, Забелин 2006, 99, 100; Черемисин 2022, 797, 798, рис. 5.

²⁵ Евтюхова 1948, 90, 91, рис. 180.

²⁶ Иконографически этих птиц никак нельзя сопоставить с рассмотренными выше образами условных фениксов, некоторые из которых отдельными элементами тоже напоминают павлинов.

²⁷ Кляшторный 2001, 214; Табалдиев 2011, 102–104, 107.

²⁸ См.: Кубарев, Забелин 2006, рис. 23; Дробышев 2023.

²⁹ Дробышев 2023, 30, № 13.

³⁰ В этом отношении интересна гравюра на скалах в Мангышлаке, Казахстан, на которой изображена птица (петух?) с хохолком (гребешком) и поднятым хвостом с выделенными на его краю перьями, стоящая у памятной стелы-мемориала. См.: Медоев 1979, 161, рис. 100.

³¹ Центральнаяазиатский регион на севере Индии, граничащий на западе с Пакистаном, на востоке – с Тибетом.

³² Vernier, Bruneau 2016, 325, 328, 330, 331, fig. 21.3, F.

³³ Кубарев, Забелин, 2006; Мартынов, Чигаева 2006; Чигаева 2007; Черемисин 2022.

особое разнообразие и значительное число видов птиц³⁴. Именно здесь в раннем средневековье появились уникальные композиции с птицами, среди которых есть даже фламинго³⁵.

Что касается Саяно-Алтая, отметим уникальную находку на скалах в Саянском каньоне Верхнего Енисея, кардинально отличающую ее от реальной орнитофауны региона. Это чрезвычайно схематичное изображение небольшой птички с хохолком и, возможно, поднятым хвостом с перьями, переданным двумя-тремя штрихами, в композиции с хищником (рис. 3, 11). Птичку невозможно идентифицировать ни с одним реальным видом, поэтому высказано предположение о том, что, возможно, это чудесная птица-феникс, на что указывают некоторые иконографические детали³⁶. Идею композиционного сочетания птицы с зооморфным образом условно можно соотнести с подобным сочетанием на торевтике малых форм из этого же микрорегиона (рис. 3, 4).

Таким образом, материалы наскального искусства Саяно-Алтая и Тянь-Шаня (шире – Центральноазиатского региона) раннего средневековья свидетельствуют о незначительном распространении орнитофауны в нем и невозможности найти реальные аналогии декору торевтики малых форм. Что касается зооморфных образов, которые, безусловно, преобладают в репертуаре петроглифов, то отмечено значительное влияние сасанидского художественного металла на наскальное искусство³⁷.

Птицы – навершия. Фигурки небольших птиц в качестве наверший утилитарных предметов, в том числе булавок, известны в средневековье в разных регионах горностепной Евразии³⁸. Что касается булавок с фениксами китайской художественной традиции, упомянем изображения знатных уйгурских дам в росписях IX–X вв. храмов Турфанского оазиса в Восточном Туркестане³⁹.

В Саяно-Алтае (кроме Верхнего Енисея) с прилегающими территориями распространены фигурки хищных (с характерными иконографическими чертами) птиц-фениксов в качестве наверший булавок. Известны (в Верхнем Прииртышье) и немногочисленные отдельные фигурки на специальном основании, которые тоже, по-видимому, служили навершиями, в том числе, возможно, женских головных уборов⁴⁰. Находки подобных и других орнитоморфных декоративных предметов (часть из них – из женских и детских погребений) вызывают особый интерес у исследователей в плане выяснения их семантики и культового характера самих предметов, которые связывают с культом богини Умай и ритуальной обрядностью⁴¹.

Средневековые навершия булавок из Саяно-Алтайского региона подробно исследованы И.Л. Кызласовым⁴². Единичные из них (рис. 4, 1) тщательно проработаны, можно даже узнать лотосовидное основание, на котором стоит птица. Но по мере стилизации (рис. 4, 2–9) феникс с характерными чертами хищной птицы на них становится все больше похожим на петушка (рис. 4, 3, 4), цветочное основание также постепенно превращается просто в круглый стержень.

Сложенные крылья – иконографическая деталь изображений петушков, фазанов (павлинов) среднеазиатского и средневосточного происхождения, восходящих к сасанидской традиции. По мнению И.Л. Кызласова, сложенные крылья (вместе со «сросшимися» хвостом-гребнем) характеризуют стилизацию и упрощение фениксов – наверший булавок⁴³.

³⁴ Шаршеева и др. 2024.

³⁵ Табалдиев 2011, 104.

³⁶ Дэвлет 2013, 205, 206, 221, 222.

³⁷ Миклашевич 2010, 142.

³⁸ Подробно см.: Король 2013; Камышев 2023, 34, 35, табл. V, VI.

³⁹ Литвинский 2000, 287.

⁴⁰ Подробней см.: Король 2013.

⁴¹ Арсланова 1989; Кызласов, 2001.

⁴² См.: Кызласов 1977.

⁴³ Кызласов 1977, 100, 101.

На наш взгляд, сложенные крылья (особенно когда они отчетливо выделены) – результат культурных влияний «западного» направления, в первую очередь, среднеазиатского. Рассмотренные выше образы некоторых парных птиц (см. рис. 2), среди которых есть и нестилизованнные изображения хорошего качества исполнения, свидетельствуют в пользу такого мнения.

В Северном Тянь-Шане на булавках преобладают фигурки обычных птиц, включая петушков, уток и пр. Фигурки стилизованного феникса, в том числе напоминающие петушка с поднятым хвостом с округлым окончанием, единичны (рис. 4, 10, 11)⁴⁴.

Таким образом, фигурки птиц – наверший булавок не имеют идентичных аналогий в двух рассматриваемых регионах. При этом образ хищной птицы феникса китайской традиции характерен для Саяно-Алтая с прилегающими территориями, хотя в его стилизации заметно среднеазиатское влияние в целом. А в Северном Тянь-Шане, наоборот, тотально преобладает характерная для Средней Азии традиция при явном отсутствии влияния с востока на этот аспект декоративного искусства.

Отсутствие такого влияния со стороны Саяно-Алтайского региона интересно проследить и на другом утилитарном художественном предмете, связанном с образом совершенно другой птицы.

Образ «летающей» утки. Речь здесь идет лишь о двусоставных застежках оригинального декоративного воплощения в виде фигурок летящих (с распахнутыми крыльями) уток. Необходимо, однако, отметить, что мотив утки в средневековом искусстве Саяно-Алтая и сопредельных территорий известен также и как вариант декора поверхности ременных украшений. Это изображения уток с распахнутыми крыльями, иногда с цветами по сторонам головы. Представляется, что именно этот мотив, популярный в искусстве Китая, с зеркалами танского времени мог попасть на территорию Саяно-Алтая и послужить прообразом подобных изображений на ременных украшениях рубежа I–II тыс. Мотив утки с цветами (особенно его иконография) мог быть основой оригинального пластического решения застежек с реалистичной передачей фигурок.

Местные истоки мотива, реализация в виде застежек с узнаваемой фигуркой утки с проработанным оперением, в том числе крыльев (рис. 4, 12), этапы стилизации через растительный декор (рис. 4, 13), инородные популярные мотивы вроде «пламенеющей жемчужины» (рис. 4, 14) и ажурное исполнение, региональные предпочтения подробно рассмотрены в отдельной работе⁴⁵. Исследование застежек в сроткинской культуре Алтая с привлечением аналогий показало, что такие предметы бытовали в IX–XII вв. от Прииртышья до Приангарья. Отмечены их принадлежность женскому костюму и высокий статус обладательниц таких утилитарных предметов-украшений⁴⁶. Уникальное изображение летающей утки (рис. 4, 16) с проработкой оперения тулова, подобной некоторым образцам тюркетики малых форм⁴⁷, обнаружено на каменной плитке со средневекового поселения в Центральном (Горном) Алтае⁴⁸.

Популярность подобного вида изделий с орнитоморфным мотивом на огромной территории Саяно-Алтая с прилегающими территориями никак не повлияла на регион Северного Тянь-Шаня. Из Чуйской долины известна лишь одна фигурка, напоминающая деталь такой застежки (рис. 4, 15), но она выполнена в собственной манере и сопоставима с саяно-алтайскими находками лишь условно. Можно предположить, что известность декоративного образа в средневековом художественном металле Тянь-Шаня основывалась на иной глубинной (мировоззренческой, религиозной) основе его понимания и восприятия как символа, а посему и декоративные варианты его воплощения тяготели к общим среднеазиатским, а также средневосточным истокам.

⁴⁴ Камышев 2023, табл. VI.

⁴⁵ Король 2019.

⁴⁶ Тишкин, Горбунов 2022.

⁴⁷ Ср.: Король 2019, 188–190.

⁴⁸ Константинов, Урбушев 2023.

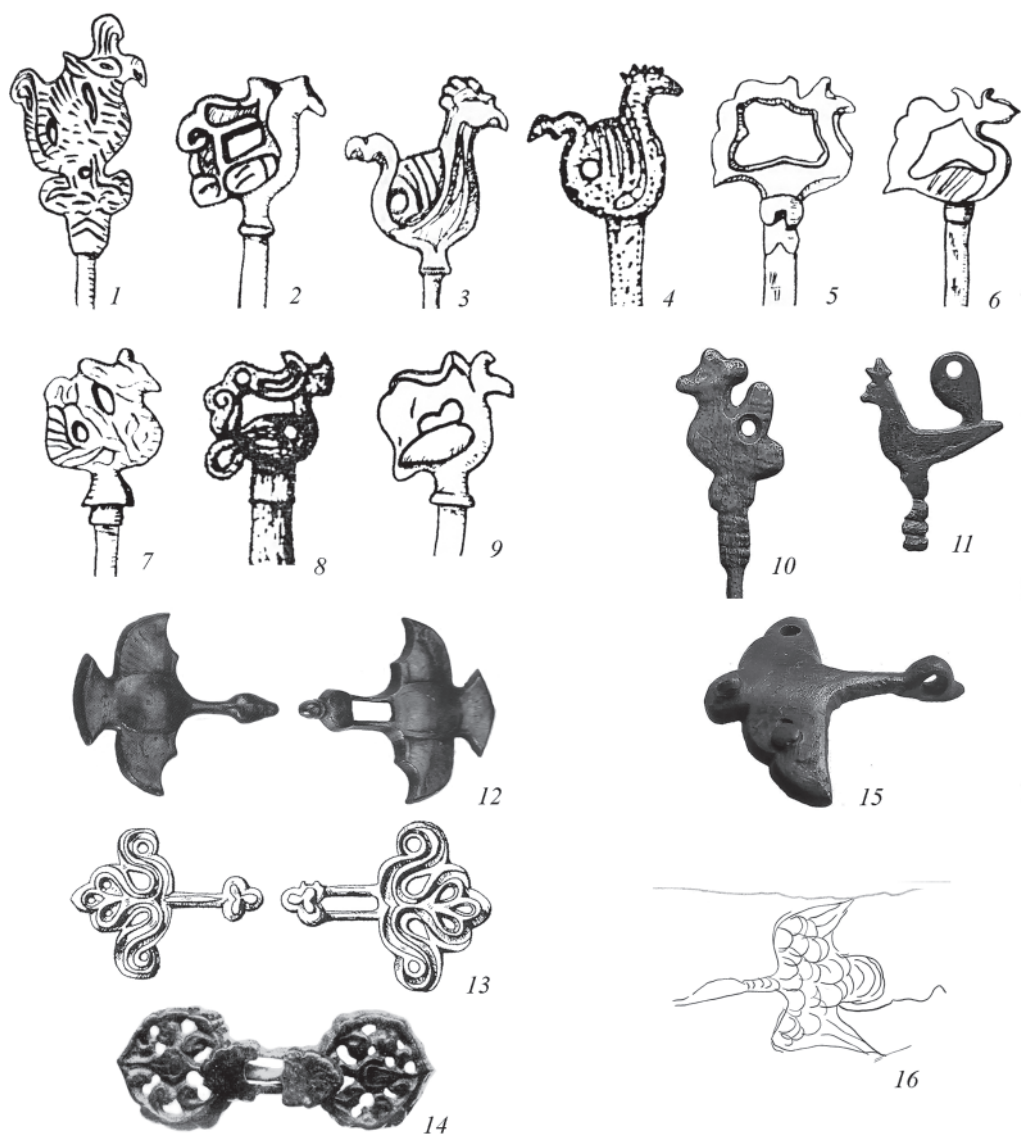

Рис. 4. Образы «феникса» на булавках и летящей утки на застежках из Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–9, 12–14; 15 – аналогия на камне) и Северного Тянь-Шаня (10, 11, 16). 1–9 – по: Король 2013; 10, 11, 16 – по: Камышев 2023; 12–14: по: Король 2019; 15 – по: Константинов, Урбушев 2023

Fig. 4. Images of “phoenix” on pins and flying duck on clasps from the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–9, 12–14; 15 – analogy on a small stone plate) and the Northern Tien Shan (10, 11, 16). 1–9 – after Korol 2013; 10, 11, 16 – after Kamyshev 2023; 12–14 – after Korol 2019; 15 – after Konstantinov, Urbushev 2023. Not to scale

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один из рассмотренных орнитоморфных мотивов – образ фантастического феникса. Он в средневековом художественном металле Саяно-Алтая и прилегающих территорий, а также Северного Тянь-Шаня представлен в двух основных иконографических вариантах. Первый характерен для синкретичного искусства средневекового Китая: образ с мощным клювом хищной птицы, хохолком, с приподнятыми или распахнутыми крыльями, а также поднятым хвостом павлина с длинными перьями. Второй присущ искусству Средней Азии и Среднего Востока: образ со сложенными крыльями и поднятым пышным хвостом с округлым завершением птиц семейства фазановых. Оба варианта (с разной степенью преобладания того или иного иконографического элемента передачи образа) представлены в двух устойчивых композициях с парными (противостоящими) птицами: у центрального древа и без него. Изображения одиночных птиц-фениксов, не имеющие аналогий, известны в единичных экземплярах и лишь в Саяно-Алтае с прилегающими территориями. Условные аналогии им в незначительном числе найдены в наскальном искусстве Центральной Азии.

Больше находок фигурок птиц в виде наверший булавок. Они имеются в обоих рассматриваемых регионах. Среди них первичный пласт – определенно китайской иконографии феникса, варианта преимущественно с довольно короткой и мощной шеей, но есть отдельные экземпляры с более длинной изогнутой шеей.

Образ летящей утки в его пластическом воплощении на примере двусоставных застежек, распространенный в Саяно-Алтае с прилегающими территориями, рассмотрен в качестве точечного примера отсутствия конкретного культурного импульса-влияния на Северный Тянь-Шань.

Исследование наиболее ярких орнитоморфных мотивов декора средневекового художественного металла, представленного торевтикой малых форм, Саяно-Алтая и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс., показало, что общее для обоих регионов – популярность малых форм художественного металла и характерный облик декоративного стиля эпохи, его синкретизм. Особенное для каждого региона – преобладание тех или иных вариантов иконографии, связанное в первую очередь с приоритетными направлениями культурных влияний и особенностями местного восприятия образов, основанного на мировоззренческих и религиозных предпочтениях.

Кроме того, в Северном Тянь-Шане развивалась городская культура, зафиксированы центры производства в Чуйской долине. Но при этом говорить о непосредственном влиянии или потоках художественного металла в регион Саяно-Алтая не приходится. Рассмотренные композиции с яркими орнитоморфными мотивами свидетельствуют скорее об общих направлениях культурного влияния в первую очередь через согдийских мастеров, которые, как известно, расселились далеко на восток, включая территорию Китая⁴⁹. При этом сугубо китайская стилистика образа феникса зафиксирована лишь на единичных саяно-алтайских находках, а стилизация образа шла под очевидным влиянием средневосточного/среднеазиатского искусства в целом.

Отмечено появление в X в. в Северном Тянь-Шане изделий, имеющих много общего с образцами из западной части Саяно-Алтайского региона (сросткинская археологическая культура), включая кимакские памятники Прииртышья, и сделан вывод о новых веяниях со стороны каганата кимаков⁵⁰. Рассмотренная нами композиция противостоящих парных птиц «без древа» в некоторой степени подтверждает это наблюдение, зафиксирована даже идентичная аналогия одному из вариантов (рис. 3). Но при этом «новые веяния» никак не коснулись образа летящей утки в рассмотренном нами пластическом решении в виде

⁴⁹ См., например: Чжао Сяоцзя 2018.

⁵⁰ Торгоев 2011, 19, 20.

застежки особой конструкции, хотя часть из них в значительно упрощенном и трансформированном виде происходит именно из памятников сросткинской культуры⁵¹.

Образ летящей утки, первоначально, как и образ феникса, по-видимому, восходивший к китайской иконографии, претерпел в Саяно-Алтайском регионе с прилегающими территориями многоэтапный путь трансформации и стилизации, связанный в первую очередь с местной традицией, и практически никак не сказался на иконографическом облике образа утки в Северном Тянь-Шане, где он был связан с иной культурной традицией.

Таким образом, отмеченное исследователями влияние со стороны народов Сибири, «особенно тухтятской культуры хакасов середины IX–X вв.»⁵² (восточная часть Саяно-Алтайского региона) в художественном оформлении торовтики малых форм на рассмотренном нами материале ярких орнитоморфных мотивов прослеживается лишь условно, хотя наличие такого влияния на других примерах декора (некоторые растительные композиции, личины) вполне вероятно.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А. (ред.). 1987: *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата.
- Арсланова, Ф.Х. 1989: Образ птицы на головных уборах кимацких женщин. В сб.: К.М. Байпаков (отв. ред.), *Маргулановские чтения*. Алма-Ата, 156–160.
- Байпаков, К.М., Терновая, Г.А., Горячева, В.Д. 2007: *Художественный металл с городища Красная Речка (VI – начало XIII века)*. Алматы.
- Басандайка* (Труды Томского гос. ун-та 98). 1947. Томск.
- Вишневская, Н.Ю. 2007: Штампованные фигуративные изображения на среднеазиатской керамике X–XIII вв. (из коллекции Государственного музея Востока). *РА* 2, 120–129.
- Горбунова, Т.Г., Тишкин, А.А., Хаврин, С.В. 2009: *Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов*. Барнаул.
- Горячева, В.Д. 2010: *Городская культура тюркских каганов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII века)*. Бишкек.
- Грязнов, М.П. 1956: *История древних племен Верхней Оби* (МИА 48). М.–Л.
- Даркевич, В.П. 1976: *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.* М.
- Дробышев, Ю.И. 2023: Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях. *Народы и религии Евразии* 28 (2), 24–70.
- Дэвлет, М.А. 2013: Петроглифы раннего средневековья в Саянском каньоне Енисея. В сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.), *Древние тюрки в Центральной Туве*. СПб., 187–222.
- Евтюхова, Л.А. 1948: *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан.
- Елькин, М.Г. 1970: Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур. В сб.: И.А. Мартынов (отв. ред.), *Известия лаборатории археологических исследований* 2. Кемерово, 81–93.
- Камышев, А.М. 2012: Кыргызстан. В сб.: К.М. Байпаков и др. (отв. ред.), *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана. Торевтика*. Самарканд–Ташкент, 97–118.
- Камышев, А.М. 2020: Литейные и ювелирные ремесла на средневековом городище Кен-Булун. В сб.: *Abstracts. International Workshop “Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan” 13 February 2020*. Bishkek, 77–83.
- Камышев, А.М. 2023: *Зооморфные сюжеты в торевтике Притяньшанья*. Бишкек.
- Кляшторный, С.Г. 2001: Всадники Кочкорской долины. В сб.: И.Я. Фроянов, С.Н. Астахов (отв. ред.), *Евразия сквозь века. Сб. к 60-летию Д.Г. Савинова*. СПб., 213–215.

⁵¹ Тишкин, Горбунов 2022.

⁵² Байпаков и др. 2007, 213.

- Константинов, Н.А., Урбушев, А.У. 2023: Изображение птицы на каменной плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай). *ПИФК* 2 (80), 95–109.
- Король, Г.Г. 2008: *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки* (Тр. САИПИ V). М.–Кемерово.
- Король, Г.Г. 2013: Фантастические птицы в декоре художественного металла Саяно-Алтая. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (5), 159–175.
- Король, Г.Г. 2019: Составные украшения застежки с территории Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. В сб.: М.А. Дэвлет (отв. ред.). *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства* (2) (Тр. САИПИ XII). М.–Кемерово, 175–195.
- Король, Г.Г. 2020: Новые находки блях в виде всадников «тюркской» традиции (раннесредневековая металлическая пластика Центральной Азии). *ПИФК* 2 (68), 149–165.
- Король, Г.Г., Наумова, О.Б. 2017: *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. М.
- Кубарев, В.Д., Забелин, В.И. 2006: Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (26), 87–103.
- Кызласов, И.Л. 1977: Булавки древних хакасов. В сб.: А.И. Мартынов и др. (ред.). *Археология Южной Сибири* (Известия лаборатории археологических исследований 9). Кемерово, 87–104.
- Кызласов, И.Л. 2001: О свадебном наряде средневековых хакасов. В сб.: Д.А. Сташенков (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)* 1. Самара, 152–168.
- Кызласов, И.Л., 2021. Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII – начало XIII в., Хакасия). *КСИА* 265, 201–209.
- Кызласов, Л.Р., 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. *ВМУ, сер. 8, История* 3, 8–35.
- Кызласов, Л.Р., 1999. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия). *РА* 2, 181–206.
- Кызласов, Л.Р., Король, Г.Г. 1990: *Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник*. М.
- Литвинский Б.А. (ред.). 2000: *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм*. М.
- Мартынов, А.И., Чигаева, В.Ю. 2006: К вопросу о видовой принадлежности изображений птиц на писаницах Северной Азии. В сб.: В.В. Бобров (отв. ред.). *Археология Южной Сибири* 24. Кемерово, 94–101.
- Маршак, Б.И. 1971: *Согдийское серебро*. М.
- Медоев, А.Г. 1979: *Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Часть первая*. Алма-Ата.
- Миклашевич, Е.А. 2010: Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. В сб.: А.А. Тишкин (отв. ред.). *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул, 135–144.
- Миллер, Г.Ф. 1937: *История Сибири* 1. М.–Л.
- Могильников, В.А. 2002: *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*. М.
- Наумова, О.Б., Король, Г.Г. 2020: Личность мастера как фактор вариативности художественного металла. *Вестник антропологии* 2 (50), 47–67.
- Табалдиев, К.Ш. 2011: *Древние памятники Тянь-Шаня*. Бишкек.
- Тишкин А.А. (ред.). 2010: *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул.
- Тишкин, А.А., Горбунов, В.В. 2022: Двухсоставные застежки в сrostкинской культуре. *РА* 3, 94–106.
- Торгоев, А.И. 2003: О хронологии наременных украшений Семиречья. В сб.: Ю.Ю. Пинотровский (отв. ред.). *Степи Евразии в древности и Средневековье. Матер. междунар. конф., посвящ. 100-летию М.П. Грязнова* II. СПб., 285–289.

- Торгоев, А.И. 2004: Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья, в сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.). *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции*. СПб., 338–341.
- Торгоев, А.И. 2011: *Ременные украшения Семиречья V – начала XIII века (вопросы хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук*. СПб.
- Формозов, А.А. 1986: *Страницы истории русской археологии*. М.
- Черемисин, Д.В. 2022: Птицы на скалах (еще раз об изображениях птиц в петроглифах Алтая). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVIII*. Новосибирск, 795–799.
- Чигаева, В.Ю. 2007: *Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Кемерово.
- Чистякова, А.Н. 2007: *Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Новосибирск.
- Чжао Сяоцзя. 2018: Переселение согдийцев в Китай и их влияние на культурную и бытовую жизнь династии Тан. В сб.: Т.В. Котюкова (отв. ред.). *Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: к 100-летию д-ра ист. наук Б.Х. Кармышевой*. М., 105–110.
- Шаршеева, Б.К., Кадырова, Б.К., Раимкулов, Л.М., Нурлан уулу Тилебалды. 2024: О птицах Кочкорской долины Внутреннего Тянь-Шаня. *Русский орнитологический журнал* 33 (2418), 2144–2152.
- Dowlatsahi, A. 1979: *Persian Designs and Motifs for Artists and Craftsmen*. New York.
- Gyllensvärd, B. 1958: *T'ang Gold and Silver*. Göteborg.
- Harari, R. 1938: Metalwork after the Early Islamic Period. In: A.U. Pope et al. (eds.), *A Survey of Persian art* 6. London–New York, 2466–2500.
- Qi Dongfang. 2005: The Hejiacun Treasure and Sogdian Culture. In: È. de la Vaissière, È. Tromber (eds.), *Les Sogdiens en Chine* (Études thématiques: École française d'Extrême-Orient 17). Paris, 107–121.
- Qi Dongfang, Zhang Jing. 1994: Relationship between the Gold and Silver Vessels of Tang China and Those of Westerns Cultures. *Acta Archaeologica Sinica (Kaogu Xuebao)* 2, 173–190.
- Vernier, M., Bruneau, L. 2016: Evidence of Human Presence in The Himalyan Mountains: New Insights from Petroglyphs. In: H.H.T. Prins, T. Namgail (eds.). *Bird Migration across the Himalayas*. Cambridge, 319–332.

REFERENCES

- Akischev, K.A. (ed.), 1987: *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya Hydroelectric Power Station]. Alma-Ata.
- Arslanova, F.Kh. 1989: *Obraz ptitsy na golovnykh uborakh kimakskikh zhenshchin* [The Image of a Bird on the Headdresses of Kimak Women]. In: K.M. Baypakov (ed.), *Margulanovskiyechteniya* [Margulan Readings]. Alma-Ata, 156–160.
- Basandayka* [Basandaika] (Trudy Tomskogo gos. un-ta 98) [Proceedings of the Tomsk State University 98]. 1947. Tomsk.
- Baypakov, K.M., Ternovaya, G.A., Goryacheva, V.D. 2007: *Khudozhestvennyy metall s gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII veka)* [Artistic Metal from the Krasnaya Rechka Fortified Settlement (6th – Early 13th Century)]. Almaty.
- Cheremisin, D.V. 2022: *Ptitsy na skalakh (yeshche raz ob izobrazheniyakh ptits v petroglifakh Altaya)* [Birds on the Rocks (Once Again about the Images of Birds in the Petroglyphs of the Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] XXVIII. Novosibirsk, 795–799.

- Chigayeva, V.Yu. 2007: *Obrazy ptits v naskal'nom iskusstve Severnoy Azii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Images of Birds in Rock art of Northern Asia: Author's abstract PhD]. Kemerovo.
- Chistyakova, A.N. 2007: *Proiskhozhdeniye i evolyutsiya obraza feniksa v kul'ture Kitaya po dannym arkheologii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Origin and Evolution of the Image of Phoenix in the Culture of China Based on Archaeology: Author's Abstract PhD]. Novosibirsk.
- Chzhao Syaotszyay [Zhao Xiaojia]. 2018: Pereseleniye sogdiytsev v Kitay i ikh vliyaniye na kul'turnuyu i bytovuyu zhizn' dinastii Tan [Relocation of Sogdians to China and Their Influence on the Cultural and Everyday Life of the Tang Dynasty]. In: T.V. Kotyukova (ed.), *Oazisy Shelkovogo puti: sovremennyye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya narodov Tsentral'noy Azii: k 100-letiyu d-ra ist. nauk B.Kh. Karmyshevoy* [Oases of the Silk Road: Modern Problems of Ethnography, History and Source Study of the Peoples of Central Asia: to the 100th Anniversary of Dr. B.Kh. Karmysheva]. Moscow, 105–110.
- Darkevich, V.P. 1976: *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv.* [Artistic Metal of the East of the 8th–13th Centuries]. Moscow.
- Devlet, M.A. 2013: Petroglify rannego srednevekov'ya v Sayanskom kan'one Yeniseya [Early Medieval Petroglyphs in the Sayan Canyon of the Yenisei]. In: D.G. Savinov (ed.), *Drevniye tyurki v Tsentral'noy Tuve* [Ancient Turks in Central Tuva]. Saint Petersburg, 187–222.
- Dowlatshahi, A. 1979: *Persian Designs and Motifs for Artists and Craftsmen*. New York.
- Drobyshev, Yu.I. 2023: Semantika izobrazheniy ptits na drevnetyurkskikh izvayaniyakh [Semantics of Bird Images on Ancient Turkic Sculptures]. *Narody i religii Yevrazii* [Peoples and Religions of Eurasia] 28 (2), 24–70.
- Elkin, M.G. 1970: Kurgannyy mogil'nik pozdnego zheleznogo veka v doline reki Ur [A Burial Mound of the Late Iron Age in the Valley of the Ur River]. In: I.A. Martynov (ed.), *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [News of the laboratory of archaeological research] 2. Kemerovo, 81–93.
- Evtukhova, L.A. 1948: *Arkheologicheskiye pamyatniki yeniseyskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan.
- Formozov, A.A. 1986: *Stranitsy istorii russkoy arkheologii* [Pages of the History of Russian Archaeology]. Moscow.
- Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. 2009: *Srednevekovyye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altaye: morfologicheskii analiz, tekhnologiya izgotovleniya, sostav splavov* [Medieval Decorations of Horse Equipment in the Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Technology, Alloy Composition]. Barnaul.
- Goryacheva, V.D. 2010: *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII veka)* [Urban culture of the Turkic Khagans in the Tien Shan (Mid-6th – Early 13th Century)]. Bishkek.
- Gryaznov, M.P. 1956: *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi* [History of the ancient tribes of the Upper Ob] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 48. Moscow–Leningrad.
- Gyllensvärd, B. 1958: *T'ang Gold and Silver*. Göteborg.
- Harari, R. 1938: Metalwork after the Early Islamic Period. In: A.U. Pope et al. (eds.), *A Survey of Persian Art* 6. London–New York, 2466–2500.
- Kamyshev, A.M. 2012: Kyrgyzstan [Kyrgyzstan]. In: K.M. Baypakov et al. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana. Torevtika* [Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan. Toreutics]. Samarkand–Tashkent, 97–118.
- Kamyshev, A.M. 2020: Liteynyie i yuvelirnyie remesla na srednevekovom gorodishche Ken-Bulun [Foundry and Jewelry Crafts at the Medieval Fortified Settlement of Ken-Bulun]. In: *Abstracts. International Workshop "Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan" 13 February 2020*. Bishkek, 77–83.
- Kamyshev, A.M. 2023: *Zoomorfnyie syuzhety v torevtike Prityan'shan'ya* [Zoomorphic Plots in the Toreutics of the Tien Shan region]. Bishkek.

- Klyashturnyy, S.G. 2001: Vsadniki Kochkorskoj doliny [Horsemen of the Kochkor Valley]. In: I.Ya. Froyanov, S.N. Astakhov (eds.). *Yevraziya skvoz' veka. Sbornik k 60-letiyu D.G. Savinova* [*Eurasia through the Ages. Collection for the 60th Anniversary of D.G. Savinov*]. Saint Petersburg, 213–215.
- Konstantinov, N.A., Urbushev, A.U. 2023: Izobrazheniye ptitsy na kamennoy plitke s poseleniya Kupchegen'-1 (Tsentral'nyy Altay) [Image of a Bird on a Stone Slab from the Kupchegen-1 Settlement (Central Altai)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (80), 95–109.
- Korol, G.G. 2008: *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [The art of medieval nomads of Eurasia. Essays] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric art Researchers] V). Moscow–Kemerovo.
- Korol, G.G. 2013: Fantasticheskiye ptitsy v dekore khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya [Fantastic Birds in the Décor of Artistic Metal of the Sayan-Altai]. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1 (5), 159–175.
- Korol, G.G. 2019: Sostavnyye ukrasheniya zastezhki s territorii Sayano-Altaya kontsa I – nachala II tys. [Decorated Composite Clasps from the Sayan-Altai of the Late 1st – Early 2nd Millennia.]. In: M.A. Devlet (ed.), *Izobrazitel'nyye i tekhnologicheskiye traditsii rannikh form iskusstva* (2) [Iconographic and Technological Traditions of Early Forms of Art (2)] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric art Researchers] XII). Moscow–Kemerovo, 175–195.
- Korol, G.G., 2020: Novyye nakhodki blyakh v vide vsadnikov «tyurkskoy» traditsii (rannesrednevekovaya metallichesкая plastika Tsentral'noy Azii) [New Finds of Plaques Shaped as Horsemen of the “Turkic” Tradition (Early Medieval Metalworking Art of Central Asia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (68), 149–165.
- Korol, G.G., Naumova, O.B. 2017: *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.)* [Artistic Metal among Nomads (Central Asia of the Turn of the 1st–2nd Millennia)]. Moscow.
- Kubarev, V.D., Zabelin, V.I. 2006: Avifauna Tsentral'noy Azii po drevnim risunkam i arkheologo-etnograficheskim istochnikam [Avifauna of Central Asia according to Ancient Drawings and Archaeological and Ethnographic Sources]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 2 (26), 87–103.
- Kyzlasov, I.L. 1977: Bulavki drevnikh khakasov [Pins of ancient Khakassians]. In: A.I. Martynov et al. (eds.), *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia] (Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy [Bulletin of the Laboratory of Archaeological Research] 9). Kemerovo, 87–104.
- Kyzlasov, I.L. 2001: O svadebnom naryade srednevekovykh khakasok [On the wedding dress of medieval Khakass women]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD (from the History of Costume)] 1. Samara, 152–168.
- Kyzlasov, I.L., 2021. Khramovyy gorodskoy tsentr na Uybate (vtoraya polovina VIII – nachalo XIII v., Khakasiya) [The Temple Urban Center in Uybat (Second Half of the 8th – early 13th Centuries, Khakassia)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 265, 201–209.
- Kyzlasov, L.R., 1998. Severnoye manikheystvo i yego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 8, istoriya* [Bulletin of Moscow University, Series 8, History] 3, 8–35.

- Kyzlasov, L.R., 1999. Manikheyskiy khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasiya) [Manichaean Temple in the Sorga Basin (Republic of Khakassia)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 181–206.
- Kyzlasov, L.R., Korol, G.G. 1990: *Dekorativnoye iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik* [*Decorative Art of the Medieval Khakass as a Historical Source*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. (ed.) 2000: *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'ye: Arkhitektura. Iskusstvo. Kostyum* [*Eastern Turkestan in Ancient Times and the Early Middle Ages: Architecture. Art. Costume*]. Moscow.
- Marshak, B.I. 1971: *Sogdiyskoye srebro* [*Sogdian Silver*]. Moscow.
- Martynov, A.I., Chigayeva, V.Yu. 2006: K voprosu o vidovoy prinadlezhnosti izobrazheniy ptits na pisanitsakh Severnoy Azii [On the Species Affiliation of Bird Images in Northern Asian Rock Art.]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [*Archaeology of Southern Siberia*] 24. Kemerovo, 94–101.
- Medoyev, A.G. 1979: *Gravyury na skalakh. Sary-Arka, Mangyshlak. Chast' pervaya* [*Rock Engravings. Sary-Arka, Mangyshlak. Part one*]. Alma-Ata.
- Miklashevich, Ye.A. 2010: Vliyaniye torevtiki na formirovaniye stiley naskal'nogo iskusstva Yuzhnoy Sibiri, Sredney i Tsentral'noy Azii [The Influence of Toreutics on the Formation of Rock Art Styles in Southern Siberia, Middle and Central Asia]. In: A.A. Tishkin (ed.), *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Yevrazii* [*Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia*]. Barnaul, 135–144.
- Miller, G.F. 1937: *Istoriya Sibiri* [*History of Siberia*] 1. Moscow–Leningrad.
- Mogilnikov, V.A. 2002: *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [*Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries*]. Moscow.
- Naumova, O.B., Korol, G.G. 2020: Lichnost' мастера kak faktor variativnosti khudozhestvennogo metalla [The Personality of a Craftsman as a Factor in the Variability of Decorated Metal Artefacts]. *Vestnik antropologii* [*Bulletin of Anthropology*] 2 (50), 47–67.
- Qi Dongfang. 2005: The Hejiacun Treasure and Sogdian Culture. In: È. de la Vaissière, È. Tromber (eds.), *Les Sogdiens en Chine* (Études thématiques: École française d'Extrême-Orient 17). Paris, 107–121.
- Qi Dongfang, Zhang Jing. 1994: Relationship between the gold and silver vessels of Tang China and those of westerns cultures. *Acta Archaeologica Sinica (Kaogu Xuebao)* 2, 173–190.
- Sharsheeva, B.K., Kadyrova, B.K., Raimkulov, L.M., Nurlan uulu Tilebaldy. 2024: O ptitsakh Kochkorskoj doliny Vnutrennego Tyan'-Shanya [About the Birds of the Kochkor Valley of the Inner Tien Shan]. *Russkiy ornitologicheskij zhurnal* [*Russian Journal of Ornithology*] 33 (2418), 2144–2152.
- Tabaldiyev, K.Sh. 2011: *Drevniye pamyatniki Tyan'-Shanya* [*Ancient Sites of the Tien Shan*]. Bishkek.
- Tishkin A.A. (ed.), 2010: *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Yevrazii* [*Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia*]. Barnaul.
- Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. 2022: Dvukhsostavnyye zastezhki v srostkinskoy kul'ture [Two-Piece Clasps in the Srostki Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 3, 94–106.
- Torgoyev, A.I. 2003: O khronologii naremennykh ukrasheniy Semirech'ya [On the chronology of belt decorations in Semirechye]. In: Yu.Yu. Piotrovskiy (ed.), *Stepi Yevrazii v drevnosti i Srednevekov'ye. Mater. mezhd. konf., posvyashch. 100-letiyu M.P. Gryaznova* [*The steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of M.P. Gryaznov*] II. Saint Petersburg, 285–289.
- Torgoyev, A.I. 2004: Zverinyye obrazy na remennoy garniture Semirech'ya [Animal images on the belt fittings of Semirechye]. In: D.G. Savinov (ed.), *Izobrazitel'nyye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* [*Monuments of Imitative Art: Style, Era, Compositions*]. Saint Petersburg, 338–341.

- Torgoyev, A.I. 2011: *Remennyye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII veka (voprosy khronologii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Belt Decorations of Semirechye from the 5th to the Early 13th Century (Questions of Chronology): Author's Abstract PhD]. Saint Petersburg.
- Vernier, M., Bruneau, L. 2016: Evidence of Human Presence in the Himalyan Mountains: New Insights from Petroglyphs. In: H.H.T. Prins, T. Namgail (eds.), *Bird Migration across the Himalayas*. Cambridge, 319–332.
- Vishnevskaya, N.Yu. 2007: Shtampovannyye figurativnyye izobrazheniya na sredneaziatskoy keramike X–XIII vv. (iz kollektzii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka) [Stamped Figurative Images on Central Asian Ceramics of the 10th–13th Centuries (from the Collection of the State Museum of the East)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 120–129.

ORNITHOMORPHIC MOTIFS OF MEDIEVAL ARTISTIC METAL FROM THE SAYAN-ALTAI AND TIEN SHAN

Galina G. Korol

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

The article examines the most salient ornithomorphic motifs of artistic metalwork from the Sayan-Altai region with the adjacent territories and the Northern Tien Shan of the late 1st – early 2nd millennium AD. The artefacts include most common items of horseman's belt decorations, as well as some female attributes whose decor features images of fantastic phoenix bird and flying duck. The first image is known in two main iconographic variants indicating their origins: the art of China and that of Central Asia/Middle East. Both variants are used in two stable compositions with paired (confronting) birds either near the central tree or without it. Images of single phoenixes, which have no analogies, are known only in the Sayan-Altai region. Conditional analogies to them have been found in the rock art of Central and Inner Asia. Phoenix figurines decorating pin tops predominate in the Sayan-Altai region. The author considers the image of a flying duck in its plastic embodiment based on the case of two-piece clasps, widespread in the Sayan-Altai with the adjacent territories. This image provides a particular example of the absence of a specific cultural impulse-influence on the Northern Tien Shan. Both regions share the popularity of small forms of artistic metal and the time-specific appearance of the decorative style with its syncretism. What was specific for each of the regions is the predominance of certain variants of iconography associated primarily with the key directions of cultural influences and peculiarities of the perception of images. Apparently, the centres of production of urban culture in the Northern Tien Shan were not the sources of penetration of artistic metal into the Sayan-Altai region. The considered compositions testify rather to the general directions of the cultural influence of Middle Eastern/Central Asian art as a whole, primarily through the Sogdian masters who settled to the east. At the same time, the purely Chinese style of the phoenix image is recorded only on single Sayan-Altai finds and its transformation took place under the "western" influence. A probable reverse cultural impulse (from the western part of the Sayan-Altai) can be noted only on one version of the composition of phoenixes facing each other. The influence from the eastern part of the Sayan-Altai cannot be traced in the examined materials.

Keywords: Sayan-Altai and adjacent territories, Northern Tien Shan, small artistic metalwork, décor, ornithomorphic motifs, rock images, Middle Ages

---